

— Не двигайтесь, Ваше Высочество, — с сильным акцентом произносит вражеский солдат, когда вокруг Акации нарастает лед, поднимаясь из земли круглыми тонкими стенками, которые растут и заключают ее в куполообразный цилиндр, в яичную скорлупу из толстого льда.

Акация наклоняется вперед, ударяет руками по тюрьме, а затем головой, оставляя ее прислоненной к барьеру, и наконец позволяет себе сдаться и заплакать.

— Ноль... — повторяет она про себя, наконец осознав, что это действительно все, что она есть. Внешний вид ледяного цилиндра затуманен, поскольку материал не является прозрачным, поэтому она видит лишь неясные тени и размытые фигуры, движущиеся по ту сторону. Внутри маленькой тюрьмы, в которой она заперта, все освещено преломлениями множества различных огней, которые попали внутрь, только для того, чтобы осветить присутствие настоящего ничтожества с таким количеством эффектных цветов. — Ноль, — повторяет она, ударяясь головой о стену так сильно, что становится больно.

Не похоже, что ее собираются убить. Видимо, они хотят пленить ее. Похоже, враги знали, что она находится здесь, в городе, без охраны. Но зачем ей вообще охрана? В конце концов, что здесь есть такого, что стоило бы охранять?

Ничего.

Она - абсолютное, полное, окончательное изображение человека, вся ценность которого как существа сводится к нулю...

— Я бы на твоём месте не стал этого делать, — прервал ее мысли незнакомый голос.

Глаза Акации широко раскрываются, она смотрит, а затем поднимает взгляд, осматривая крошечный пузырь, в котором она заперта. Голос был совсем близко. — Прими это от меня, — говорит он. — Если ты будешь думать об этом числе слишком часто, ну... Просто не надо, хорошо? — Акация в замешательстве оглядывается по сторонам, не наблюдая в своей тюрьме никого: — Может, кто-то из солдат разговаривает снаружи?

Пузырь, в котором она находится, движется, приподнимаясь над землей. Под ее ногами хрустит лед, ее тюрьма становится подвижной.

— Нет, — отвечает голос, словно прочитав ее мысли. — В любом случае, где я, черт возьми, нахожусь? — спрашивает он. — О...

Акация думает, что это хороший вопрос. В этом тесном пространстве она не видит никого, кроме себя; только темные танцующие силуэты виднеются сквозь стеклянные стены. — Эй?... — спрашивает голос, доносящийся словно откуда-то издали, из темноты.

Она чувствует давление в своем теле. Акация сжимает грудь и с ужасом смотрит вниз, видя, как что-то упирается ей в живот изнутри.

— О... — произносит голос. — Это... это не то, чего я ожидал увидеть, когда уходил за продуктами...

В неопишемом ужасе Акацию рвет, она испытывает ощущение дикого растерянного телесного ужаса. Акация отплевывается, ее грудь вздымается, а изо рта непрерывно вырывается черный испаряющийся дым, который проходит через горло и язык, оставляя привкус металла, и вытекает на мерзлую землю у ее ног, сочась из носа. Она снова задыхается и извергает из себя еще больше дыма, но не чувствует, что тяжесть в ее внутренностях становится меньше. Тело продолжает изливаться из себя тварь, но ледяной пузырь лишь наполняется тяжелым дымом, который собирается вокруг ее ног, скапливаясь, словно кто-то сверху льет в ее тюрьму черную воду, намереваясь утопить ее в ней.

Это никогда не прекращается. Так продолжается до тех пор, пока дым не достигает коленей, а затем и талии, она пытается закричать от ужаса, но изо рта не вырывается ни слова, только еще большее количество смолы. Тяжелый, холодный, влажный дым доходит до груди, и вскоре она тонет в нем, не в силах больше извергать из себя эту черноту, потому что уже полностью поглощена ею. Она окружает ее, как лужа чернил, смутно пахнущая... ничем. Просто пустота.

— Что ж, это был новый опыт, — говорит голос. Дым вокруг нее движется, немного сгущаясь с одной стороны, когда он прижимается ко льду. — Итак, приятно познакомиться, — говорит он. — Мне кажется, у нас одинаковые любимые цифры. Это ведь здорово, правда? — спрашивает он. Дым немного сгущается и струится внутри тюрьмы, проверяя на прочность стены шатающейся конструкции. — Я слышал твои мысли с той стороны. Я бы извинился за вторжение в твоё личное пространство, но... сама понимаешь... — говорит голос, оставляя все как есть. — Может быть, тебе стоит завтра позавтракать?

— Кто ты?! — кричит Акация, ее слова заглушают дым.

— Хороший вопрос, — отвечает сущность. — Наверное, я - ничто, — объясняет она, и тень как бы наматывается на себя.

Глаза Акации расширились, и она прислонилась спиной ко льду, ее ноги по-прежнему зажаты, и она пытается вырваться. Но она полностью погружена в него, как и он в нее. Даже после извлечения всех испарений она все еще чувствует его в своем нутре, извивающегося в пустоте, словно паразит, настолько огромный, что его никогда не удастся полностью извлечь.

— Значит, принцесса, да? — спрашивает он. — Дикие вещи. Что за мир. Но ведь магия существует, это здорово, правда? — спрашивает он. — Не обращай внимания. Я как бы в твоих мыслях.

Акация вскрикивает от ужаса, в панике размахивая руками, пытаясь оттолкнуть его, но безрезультатно. У него нет ни тела, ни формы, ни очертаний. Он - всего лишь густой, плотный

дым, к которому она не может прикоснуться, несмотря на то, что он находится рядом.

— ...Да, я тоже часто сталкивался с этим в своей прежней жизни, — вздыхает голос. — Нелегко быть никем, не так ли? — спрашивает он.

Услышав этот вопрос, Акация внезапно останавливается, ее кулак все еще висит внутри дыма, который просачивается сквозь ее сжатые пальцы, словно текучая вода, и тяжелым паром клубится вокруг тюрьмы. Медленно поднимая взгляд, она смотрит на пустоту, которая ее окружает и которая ее заполняет. Она в ужасе и растерянности; все кажется ей неправильным, она сломлена духом и разумом: — ...Я просто хотела стать кем-то, — пробормотала она, не понимая, почему именно она разговаривает с сущностью, что это такое и вообще имеет ли все это смысл. Она уже прошла через все это. Однако это ощущение смутно знакомо, она не может его объяснить. — Не так уж много и надо было, — признает Акация. Тьма движется вокруг, извиваясь. — Просто... что-нибудь. Что угодно. Только больше, чем но... — она останавливает себя, когда тени сгущаются, пульсируя. — Больше, чем ничего.

Дым движется, клубясь вокруг нее, как лед: — Да, я тебя понимаю, — отвечает он. — Шучу, однако; похоже, я исполнил свое желание... вроде того.

— Кто ты? — снова спрашивает она. — Ты демон? Призрак?

Пустота стягивается, сгущается в единую массу, а не остается в виде облака, заполняющего ледяной пузырь: — Никто, — повторяет она. — Как был, так и есть, и, видимо, всегда буду.

— Ты сильный? — спрашивает она.

— За два месяца я научился отжиматься тридцать раз. Мне нравится думать, что я в игре, — отвечает он.

Это совершенно неуместно, учитывая контекст, но Акация не может не смеяться над этим нелепым заявлением. Девушка смеется, сжимая свое нутро, поскольку то, что может быть либо небольшой передышкой в безумии этого дня, либо его обострением, полностью овладевает ею. Трудно сказать наверняка.

— Если бы я был кем-то... Ну... — начинает голос, постепенно затихая после очень долгой паузы. — Короче, я знаю, что мы только что познакомились, но у меня есть странный вопрос, — говорит он. — Если бы я был кем-нибудь, — снова пробует голос, исходящий из пустоты вокруг него. — Кем бы я был, по-твоему мнению? — спрашивает он.

Акация смотрит в темноту, протирая глаза. Ей нравится этот вопрос. В каком-то смысле это то, что она хотела бы тоже кому-нибудь задать: — Наверное, самым далеким от того, чем ты сейчас являешься, или? — предлагает она. — Кем угодно - это лучше, чем ничего.

— Самым далеким... — смущенно пробормотала тень. Она плавает вокруг, словно рыба в слишком маленьком аквариуме, кружась и не находя себе места. — Просто гипотетически, а кем бы ты хотела быть? — спрашивает она, безликая фигура поворачивается в ее сторону.

Акация некоторое время смотрит на нее, ее ужас рассеялся. Она знает, что всего секунду назад хотела, чтобы ее спросили об этом, но теперь, когда вопрос прозвучал, она оказалась совершенно не готова к нему. Конечно, мысли ее пляшут между тысячами вещей. Если бы она могла быть кем-то, то хотела бы быть тем, кого лелеют, почитают, хотят; сильным, добрым, благородным, справедливым и всеми остальными качествами, к которым может стремиться человек в поисках совершенства. Полнота. Не щедротами материального мира, а щедротами духовного. Любимый, цельный и совершенный.

— Фантазируй, продолжай, — подбадривает голос. — Я не знаю тебя, а ты не знаешь меня. Не стыдись.

Акация, не смущаясь, смотрит на него и кивает: — Я была бы королевой, — поясняет она, указывая на себя. — Я хотела бы быть королевой, — решительно заявляет Акация. — И я бы создала мир, в котором никто и никогда не испытывал бы такой пустоты.

— О-о-о... хороший ответ, Ваше Величество, — отвечает голос, возможно, с сарказмом, а возможно, и нет. — Давайте так и сделаем.

— А? — недоумевает Акация, моргая.

— Я всегда хотел кем-то стать, — объясняет голос тени. — Ну, теперь я здесь. Магия, видимо, существует, а я - ужасное чудовище, так что, может, поиграем в притворство? — предлагает он. — Ты и я, — Тень движется к ней, нависая над ее головой и трансформируется в форму, почти похожую на мужскую, но не совсем. — Ты будешь играть королеву, — объясняет он. — А я буду играть рыцаря. Мы сделаем это вместе.

— Я не думаю, что жизнь так устроена, — отвечает Акация, впервые за последнее время сохраняя улыбку. Это почти милая идея, если бы она и вся эта ситуация не были ужасающими в своем контексте. Но, кроме того, это, как ни неловко, немного смущает. Ее уже давно не просили играть в притворство.

Но ведь притворство - это лучше, чем ничего, не так ли? По крайней мере, притворство - это большой шаг по сравнению с полной пустотой, не так ли?

— Почему бы и нет? — спрашивает он. — Тебе есть чем заняться?

Акация оглядывается вокруг себя. Это, конечно, абсурдный вопрос, но все это абсурдно. Она снова смотрит на существо и качает головой.

— Нет, благородный сэръ рыцарь, — отвечает она, готовая присоединиться к игре: — Почему бы и нет?

<http://tl.rulate.ru/book/92759/3316523>